

К 200-летию археологического исследования Старой Рязани

Алексей Чернецов, Игорь Стрикалов

200th Anniversary of Archaeological Investigations in Staraya Ryazan

Aleksey Chernetsov, Igor Strikalov

(both — Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010770-8

6 июня 1822 г. на городище Старая Рязань, где когда-то находилась столица Рязанской земли, был случайно обнаружен богатый клад дорогих ювелирных украшений, состоявший из многочисленных золотых вещей, в декоре которых использованы драгоценные камни и сложные ювелирные техники — перегородчатая эмаль, зернь и скань. Подобные клады в Средние века зарывали знатные и богатые люди, как правило, в момент опасности. В данном случае причины сокрытия клада нетрудно установить. В декабре 1237 г. Рязань осадила монголо-татарское войско Батыя. На шестой день осады город взяли штурмом и сожгли. После этого городская жизнь была здесь на какое-то время возобновлена, но примерно через столетие окончательно заглохла, и резиденция рязанских князей и епископов переместилась в Переяславль Рязанский (современная Рязань).

Время и место находки клада, на первый взгляд, выглядят случайными. Между тем это событие хорошо вписалось в контекст интеллектуальных поисков своего времени, оказалось знаковым для становления крупного научного направления. Начнём с места находки. Его никак не назовёшь случайным. Дело не только в том, что Старая Рязань являлась столицей крупной земли-княжения. В ряду подобных городских центров она не была отмечена длительной славной историей. Такие города, как Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, Ростов, возникли и приобрели большое военно-политическое, экономическое и культурное значение намного раньше. Более молодые столицы — Владимир и Галич — превосходят Старую Рязань и как центры могущественных политических структур, и по размерам, и по обилию монументальных построек. В момент разорения Рязань была лишь на пути к расцвету. Здесь только начинали складываться самобытные традиции в архитектуре, живописи, книжности, летописании. Становление самостоятельной Рязанской епархии датируется ещё более поздним временем, чем утверждение власти местной княжеской династии.

Но если Старая Рязань не может считаться первостепенным памятником в ряду крупнейших столичных центров средневековой Руси, то как археологический объект она, несомненно, представляет собой уникальный эталонный комплекс¹. В отличие от большинства столиц крупнейших княжеств Старая

© 2020 г. А.В. Чернецов, И.Ю. Стрикалов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40041.

¹ Монгайт А.Л. Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. № 49. М., 1955; Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995; Чернецов А.В. Старая Рязань — эталонный памятник средневековой русской археологии // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 170—179.

Рязань не смогла полноценно возродиться на прежнем месте после разорения и поэтому не занята современной городской застройкой, затрудняющей работы археологов. Древняя столица Рязанской земли стала классическим «мёртвым городом», большая часть её территории в прямом смысле слова превратилась в чистое поле, находившееся в активном сельскохозяйственном пользовании до 1970-х гг. Эти обстоятельства открывают перед археологами исключительные возможности изучения памятника.

Большая часть укрепленной территории средневекового города (так называемое Южное городище), освоенная лишь на завершающем этапе его существования, может рассматриваться как однослойный памятник с напластованиями, отложившимися в пределах очень короткого времени (менее столетия до монголо-татарского разорения). Такой хронологический срез предоставляет исследователям своеобразный моментальный снимок жизни крупного городского центра на начальном этапе его становления. Это — ещё одно важное обстоятельство, обусловившее исключительное источниковедческое значение городища. Значение и специфика Старорязанского городища как археологического памятника не могли быть в полной мере оценены в 1820-х гг. Но исключительное значение Старой Рязани и её исторических судеб как символа национальной трагедии было очевидно и тогда.

Нападение Батыя на Рязанскую землю, осада и жестокий разгром её столицы остались в народной памяти как события, положившие начало монголо-татарскому нашествию на Русь и установившемуся вслед за ним ордынскому игу. Вероятно, об этом знает каждый россиянин, но далеко не все отдают себе отчёт в том, что это была не нынешняя Рязань, а исчезнувший город в полусотне километров от неё. Историческая оценка этих событий может в известных пределах варьироваться, но невозможно отрицать их масштабность и негативные последствия. Монголо-татарское и ордынское иго на Руси продлилось около 240 лет. За это время успели умереть внуки и правнуки людей, помнивших времена независимости. Летописец нашёл точные слова для описания нравственной атмосферы, воцарившейся на Руси непосредственно после нашествия: «Дело стыдно и велми страшно, и хлеб во уста не идяше от страха»².

Рязанская земля и её столица попали под удар монгольского воинства первыми и до некоторой степени случайно. Они не являлись стратегической целью захватчиков — монголы располагали разведывательной информацией о Руси и знали, что наиболее серьёзными противниками были владими́ро-суздальские князья, а путь из степей на Владимир шёл через Рязанское княжество.

Подступившие к границам Рязанского княжества завоеватели потребовали десятую долю во всём, включая людей и даже князей. Ответ рязанских князей прозвучал достойно: «Коли нас не будет всех, все то ваше будет»³. Они отправили послов к Юрию Всеволодовичу во Владимир с просьбой о помощи, но тот отказал («хоте сам особь брань сотворити»). Попытка рязанских князей сопротивляться и упорство защитников стольного города побудили Батыя и его военачальников расправиться с ними с демонстративной жестокостью.

Из числа драматических событий, связанных с монгольским нашествием, сколько-нибудь выразительное отражение в древнерусской книжности нашли только связанные с Рязанской землей. В содержащемся в популярной в средневековой Руси «Повести о Николе Зарайском» рассказе о нашествии Батыя

² ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 481.

³ Там же. Стб. 514.

на Рязанскую землю можно прочитать о том, как мученически погиб в ставке Батыя рязанский князь Фёдор Юрьевич, а его жена Евпраксия, узнав об этом, покончила с собой, бросившись с малолетним сыном Иваном с высокого терема⁴. Значительная часть рязанского воинства была перебита при первой встрече с монголами на южных границах княжества; пятидневная осада столицы княжества окончилась её полным разорением.

И краткие летописные повествования о драматических событиях в Рязанской земле, и дополненные легендарными эпизодами и эмоциональной риторикой рассказы «Повести о Николе Зарайском» занимали видное место в древнерусской книжной традиции, многократно переписывались. Их можно найти и в грандиозном богато иллюстрированном Лицевом летописном своде, где им посвящены 19 красочных многофигурных композиций, с которых начинается большая серия сюжетов, посвящённых нашествию и открывающихся киноварным заголовком «Батыева рать»⁵.

В древнерусском рукописном Служебнике XIV в. рядом с календарными таблицами для вычисления даты празднования Пасхи (своего рода «вечным календарём») помещена запись. Она гласит: «От Адама до крещенья русския земли лет 6496, от крещенья до взятъа Рязани от татар лет 249»⁶. Здесь ещё раз отмечен драматический эпизод, с которого начинается ордынское иго: приход захватчиков и взятие Рязани оказываются событием одного масштаба с Сотворением мира и крещением Руси.

Ещё одна поэтическая легенда легла в основу народной исторической песни. Она рассказывает о простой женщине, Авдотье Рязаночке, вернувшейся в опустевший город и отправившейся в дальний путь просить захватчиков вернуть пленников⁷. Наличие сюжета, включающего нашествие завоевателей на Рязанскую землю и разорение её столицы, в фольклоре показательно, поскольку исследователям хорошо известна избирательность исторической памяти, отражавшейся в народном творчестве. Упоминания столицы княжества, Старой Рязани, сохранились в двух древнейших рукописях, содержащих записи русского фольклора, — «Песнях, записанных для Ричарда Джеймса» в 1619 г.⁸ и знаменитом сборнике Кирши Данилова, составленном во второй половине XVIII в.⁹ Обе рукописи созданы в регионах, расположенных далеко от Рязанщины.

6 июня 1822 г. на месте, связанном с драматическими историческими событиями, были найдены замечательные находки, связанные с этим эпизодом военно-политической истории. Случайное открытие старорязанского клада произвело на современников чрезвычайно сильное впечатление, стало отправной точкой развития важного научного направления, сыграло заметную роль в формировании общественного сознания. Об обнаружении значительного клада драгоценных украшений вскоре стало известно высшему губернскому начальству. По указанию генерал-губернатора место находки обследовал И.Х. Гамель

⁴ Лихачёв Д. С. Повести о Николе Зарайском. Тексты // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. 7. М.; Л., 1949. С. 257—496.

⁵ Чернецов А. В. Нашествие Батыя на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в. // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 251. М., 2018. С. 303—313.

⁶ Симонов Р. А. Древнерусская книжность (в свете новейших источников календарно-арифметического характера). М., 1993. С. 142, 143.

⁷ Народные исторические песни. М.; Л., 1962. С. 57—60.

⁸ Там же. С. 99, 100.

⁹ Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901. С. 284.

(1788—1862), доктор медицины и член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук. Его трудно назвать профильным специалистом: специальность «археолог» ещё не существовала в России. Гамель не только осмотрел место находки, но и произвёл небольшие земляные работы. Они преследовали не научные, а практические цели — проверить, не осталась ли часть сокровищ в земле. Вскоре, когда вести о находке достигли Петербурга, по поручению руководителя архива Министерства иностранных дел, председателя Общества истории и древностей российских при Московском университете А.Ф. Малиновского в Старую Рязань отправился специалист по русской старине К.Ф. Калайдович (1792—1832), входивший в число участников так называемого румянцевского кружка, члены которого участвовали в подготовке монументального издания источников по российской истории — многотомного «Собрания государственных грамот и договоров»¹⁰. Калайдович приехал в Рязанскую губ., но не смог на месте ознакомиться с находками — их уже отправили в Петербург к Александру I. Ему удалось получить список находок и заказать их рисунки для издания. В Старой Рязани Калайдович заложил три шурфа рядом с местом находки клада. Обнаружив на городище холмы, представлявшие собой руины монументальных построек, он провёл земляные работы и на них, но не обнаружил ничего, кроме фрагментов строительных материалов. Среди попавших в его руки находок он отметил «винтообразно загнутое стекло в толщину гусиного пера». Современные археологи легко опознают в этом курьёзном описании массовую находку из городских культурных напластований домонгольской Руси — фрагмент стеклянного браслета, характерного украшения небогатых горожанок. Работы, проведённые Калайдовичем, нельзя назвать полноценными археологическими раскопками, но это были первые полевые исследования средневекового русского города. Главная заслуга исследователя состоит в том, что сведения о замечательной находке были оперативно опубликованы в виде иллюстрированной книги уже в 1823 г.¹¹

Книга Калайдовича имеет эпистолярную форму, весьма популярную в издательской практике эпохи. Ключевыми словами в названии книги можно считать «археологические исследования». В первой половине XIX в. ясное представление о предмете археологии ещё не сложилось. В Энциклопедическом лексиконе, издававшемся в 1830-х гг., сообщается: «В теснейшем, и в настоящее время общепринятом значении, археология есть наука древнего искусства: она излагает его теорию и представляет систематическое обозрение всех его памятников, сохранившихся до наших времен... Её избранные народы — греки и римляне, и потом этруски и египтяне»¹². В отличие от подобных представлений, отражающих наследие эпохи Возрождения и классицизма, Калайдович считал предметом этой науки различные вещественные памятники, и, несомненно, не только античные.

Насколько подготовлено было русское общество к таким находкам, как старорязанский клад 1822 г.? Существовали ли к тому времени предпосылки для изучения вещественных памятников, городских древностей? Во второй половине XVIII в. в изданиях Н.И. Новикова и А.П. Сумарокова появились

¹⁰ Лященко А. К.Ф. Калайдович // Русский биографический словарь. Т. VIII. СПб., 1897. С. 391—394.

¹¹ Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Фёдоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.

¹² Печерин В.С. Археология // Энциклопедический лексикон. Т. 3. СПб., 1835. С. 231, 234.

материалы о памятниках московской старины. В 1790-х гг. Н.С. Ильинский опубликовал несколько выпусков, посвящённых памятникам Пскова и его окрестностей¹³. Может создаться впечатление, что до становления «классической» археологической науки, ориентированной в первую очередь на изучение вещественных памятников, было ещё очень далеко. Это, однако, не вполне справедливо. Старорязанский клад произвёл сильнейшее впечатление на современников, о чём свидетельствует крупная сумма, выплаченная крестьянам, его обнаружившим, — 10 тыс. руб. Даже художественные ценности из античных городов Северного Причерноморья оценивались не столь высоко. Клад был сразу же доставлен в Петербург, где с ним ознакомился император и придворные; впоследствии его передали в собрание Оружейной палаты Московского Кремля.

Книга К.Ф. Калайдовича представляет собой научную публикацию, соответствующую уровню знаний своей эпохи. В то же время её предварительный характер не вполне удовлетворял читателей. Оставались не вполне ясными назначение драгоценных находок, их место в контексте прикладного искусства эпохи. Эти задачи попытался решить А.Н. Оленин. Его книга, увидевшая свет в 1831 г., может рассматриваться как фундаментальное исследование, написанное эрудированным автором. Вещи из клада названы в заголовке книги «великокняжескими или царскими убраниями». Ожерелью с медальонами автор присвоил название «бармы»¹⁴. Позднее словосочетание «рязанские бармы» использовалось довольно часто. Между тем несомненные бармы — это своеобразные округлые плоские воротники, украшенные шитьём или накладными медальонами. Назывались ли бармами ожерелья с медальонами, носившиеся на шнурке или цепочке, мы не знаем. Ещё один отзыв на книгу К.Ф. Калайдовича был опубликован в 1838 г.¹⁵ Как видим, предварительная публикация исследователя не осталась незамеченной.

На следующий год после публикации книги А.Н. Оленина в Старой Рязани была обнаружена ещё одна находка. Местные крестьяне постоянно занимались разборкой руин древних зданий ради обломков старинных кирпичей и белого камня, используемых ими при строительстве современных печей. В ходе этих работ они нашли три гроба-саркофага, вытесанные из камня. В таких гробах могли хоронить только представителей высшего духовенства или наиболее богатых и знатных людей. О находке сообщили властям, и на место был командирован специалист по русским древностям — художник, член Императорской Академии художеств академик живописи Ф.Г. Солнцев. Он создал более 20 акварельных зарисовок, среди них и план городища с примыкающим современным селом¹⁶. По указанию Николая I гробы решили оставить на поверхности для всеобщего обозрения. Однако древние саркофаги начали превращаться в свалки, и последовало новое распоряжение: гробы было приказано вновь зако-

¹³ Ильинский Н.С. Историческое описание города Пскова и его древнейших пригородов с самого их основания, заключающее в себя многие достойные любопытства происхождимости, составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и российской истории Николаем Ильинским. Ч. 1—6. СПб., 1790—1795.

¹⁴ Оленин А.Н. Рязанские русские древности, или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убраниях, найденных в 1822 г. близ Старой Рязани. СПб., 1831.

¹⁵ [Ходаковский З.] Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. Кн. 3. М., 1838. С. 1—109.

¹⁶ Богатская И.А., Панова Т.Д. Новый источник по истории городища Старая Рязань // Российская археология. 1999. № 1. С. 175—182.

пать на территории близлежащего кладбища. Вероятно, именно находка саркофагов подтолкнула одного из местных любителей старины Д.П. Тихомирова хлопотать о возобновлении раскопок на Старой Рязани. В 1836 г. Тихомирову удалось организовать раскопки руин одного из монументальных зданий Старой Рязани — Борисоглебского собора. Было найдено довольно много погребений внутри храма, как в каменных гробах, так и без них. Тихомирова в первую очередь интересовали погребения высшего духовенства и знати. Иногда ему попадались и ценные находки, например остатки дорогих тканей, расшитых золотной нитью. Тихомиров подробно описал результаты раскопок и привёл план основного внутреннего объёма храма с указанием мест найденных погребений¹⁷.

Старая Рязань недолго оставалась единственным древнерусским памятником, ставшим объектом археологических исследований. Через два года после находки знаменитого клада, в 1824 г., были проведены археологические раскопки «матери градов русских» — Киева. Вскоре после работ Д.П. Тихомирова, в 1838 г., начались первые полевые исследования ещё одной крупной группы древнерусских археологических памятников — курганных могильников, погребений рядового сельского населения.

Становление археологии Древней Руси в качестве заметного научного направления приходится середине XIX в. Появление не только специальных, но и обобщающих научных работ, проведение первых значительных полевых археологических исследований памятников средневековой Руси послужили фундаментом для дальнейшего развития этой отрасли знания. В середине XIX в. возникли археологические общества, а также государственное учреждение, ведающее охраной и изучением отечественных древностей, — Императорская археологическая комиссия. Появились профессиональные археологи европейского уровня — А.А. Спицын, В.А. Городцов. Новый импульс отечественная археология получила в эпоху Великих реформ. В это время возникли многочисленные губернские учёные архивные комиссии, в ведение которых передавали памятники старины. С 1869 г. в стране регулярно проводились Всероссийские археологические съезды, нацеленные на изучение обширных регионов. Каждый съезд завершался публикацией нескольких томов материалов. Каковы были дальнейшие судьбы историко-археологического изучения Старой Рязани и связанных с нею материалов в эти годы? На памятнике по-прежнему попадались интересные находки. В 1868 г. в ходе земляных работ недалеко от Борисоглебского собора был найден второй клад ювелирных изделий, на этот раз серебряных. В 1880-х гг. нашли ещё два клада серебряных украшений. Шедевры художественного ремесла из старорязанских кладов продолжали привлекать внимание учёных. В 1896 г. вышла монументальная монография Н.П. Кондакова, где характеристика старорязанского клада 1822 г. занимает важное место¹⁸.

В 1926 г. видный российский археолог В.А. Городцов задумал крупные систематические исследования городища. Получив поддержку руководства Исторического музея, учёный провёл на памятнике грандиозные разведочные работы с целью выявить перспективные участки для будущих масштабных раскопок. Для этого он заложил ряд траншей и множество небольших шурфов. В на-

¹⁷ Тихомиров Д.П. Исторические сведения об археологических раскопках в Старой Рязани. М., 1844.

¹⁸ Кондаков Н.П. Русские клады. Т. I. СПб., 1896.

стоящее время использование такой методики на крупных важных памятниках считается недопустимым, поскольку это способствует разрушению культурного слоя. Его дальнейшие планы работ на городище не получили поддержки, они были осуществлены уже следующим поколением учёных¹⁹. Масштабные исследования Старой Рязани, давшие фундаментальную историко-археологическую характеристику средневекового города, начались только после Великой Отечественной войны. Они велись уже значительными площадями и сопровождались открытиями, освещающими широкий круг вопросов военно-политической, социально-экономической и культурной истории. Изучены укрепления, храмы, жилища и усадьбы, прослежены многие черты повседневного быта населения. Всё это результаты работ совместной экспедиции Института археологии РАН и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, начатых в 1945 г. А.Л. Монгайтом. Многолетние работы экспедиции отражены в многочисленных публикациях²⁰.

Многолетние раскопки вскрыли всего около 6—7% укрепленной площади. Она весьма значительна для своего времени — более 67 га. За чертой городских стен находился обширный неукрепленный посад. Постановлением Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. Старая Рязань была поставлена на охрану как памятник истории и культуры федерального значения. Вскоре архитекторами А.Ф. Панкиным и О.И. Окуневым совместно с археологом Л.А. Беляевым был составлен проект музеефикации памятника²¹. Проект реализовать не удалось, между тем городище постепенно разрушается природными процессами²², в течение ряда лет на нём проводились незаконные раскопки (иногда довольно успешные)²³. С 2012 г. на Старой Рязани появился постоянно действующий пункт охраны.

¹⁹ Даркевич В.П. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 140—168.

²⁰ Монгайт А.Л. Старая Рязань; Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица...; Старая Рязань // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 36—240; Старая Рязань // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сборник научных статей. Рязань, 2012. С. 16—89; Старая Рязань. Клад 2005 года. СПб., М., 2014; Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю. Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143—151.

²¹ Панкин А.Ф. Проект музеефикации городища Старая Рязань // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987.

²² Чернецов А.В. Раны Старой Рязани // Природа. 2009. № 12. С. 71—76; Усков В.А., Стрикалов И.Ю., Водорезов А.В., Милованов С.И., Чернецов А.В., Шишов С.И. Природный и антропогенный фактор формирования современного рельефа городища Старая Рязань // Российский научный журнал. 2013. № 1(32). С. 53—61.

²³ Чернецов А.В. К характеристике художественного ремесла Рязанской земли // Культурное наследие Российского государства. Вып. VII. СПб., 2018. С. 333—352.